

Рецензии, обзоры, информация

СЮЖЕТЫ И КОММЕНТАРИИ КУЛЬТУРНОГО ПОГРАНИЧЬЯ

[А. И. Федута. *Сюжеты и комментарии*. Вильнюс: Европейский гуманитарный университет, 2013. 252 с.]

Книгу известного белорусского историка литературы Александра Федуты, посвященную белорусско-польско-русскому культурному Пограничью первой половины XIX в. и Пограничью культурных эпох, сложившемуся после Октябрьской революции 1917 г., составляют три раздела – «Земляки», «Бывают странные сближения...» и «Далекое близкое», включающие в себя девятнадцать статей.

Большая их часть посвящена теснейшему историко-культурному взаимодействию польского, русского и белорусского этносов в XIX в. в лице ярких (а также не особо выдающихся, но типических) фигур этого уникального (но отнюдь не безмятежного) содружества: Т. Нарбутту, Р. Подберезскому, О.А. Пржецлавскому, П. Гаевскому, П. Бартенеу, Э. и З. Фелинским, Ф. Булгарину, А.-Г. Киркору, Е. Боратынскому, В. Будревичу, Я. Янковскому (раздел «Земляки»). Эвристическая модель научных штудий этой части книги неизменно приводит автора к открытию, к установлению ранее неизвестных (не-

замеченных) явлений, событий, фактов и закономерностей в пределах литературного поля описываемой эпохи.

Постоянным достоинством всех публикаций А. Федуты (а их на данный момент немало) является то, что все они во многом основываются на обнаружении и научной обработке архивных материалов, ранее не учтенных. Не изменил себе автор и на этот раз. Так, фундаментом статьи «Страдания отставного цензора (К истории публикации воспоминаний О.А. Пржецлавского: по письмам О.А. Пржецлавского к П.И. Бартенеу 1872–1873 гг.)» стали письма П.И. Бартенеу известного мемуариста и редактора официальной газеты Царства Польского *Tygodnik Petersburski* О.А. Пржецлавского, а извлеченное из фондов Вяземских письмо графа Г. Ржевусского к князю П.А. Вяземскому показывает, какую роль, волею случая, сыграли выдающиеся деятели литературы Польши и России в биографии одного из зачинателей белорусской литературы – Р. Подберезского (статья «Протекция для Ромуальда Подберезского»).

Отдельно выделю первую публикацию архивных документов из Национального исторического архива Литвы – писем Ф.В. Булгарина к А.-Г. Киркору, а также извлеченных из российских архивов и библиотек отзыва цензора П. Гаевского о труде виленского историка-любителя Т. Нарбутта *Dzieje Narodu Litewskiego* (статья «Цензор оценивает историка (неизвестный отзыв о книге Теодора Нарбутта)», записки О. Пржецлавского из фонда III Отделения Императорской Канцелярии (статья «Как журналист Осип Пржецлавский отказал шефу жандармов и ему за это ничего не было»). Но, конечно, самый большой интерес вызывает исчерпывающий научный и фактический комментарий А. Федуты к этим материалам. Публикации архивных текстов сопровождаются необходимой историко-политической информацией: почему, к примеру, труд Т. Нарбутта был обречен на демонстративную благожелательность императора, и как записка редактора газеты *Tygodnik Petersburski* Пржецлавского проливает дополнительный свет на тех, кто был инициатором и проводником процесса насильственного обрусения польскоязычных подданных.

Нельзя, однако, сказать, что А. Федута «брезгает» уже известными литературными или фактографическими материалами, которые смущают иных исследователей малой информативностью и потому практически не используются в печатных работах. Автор *Сюжетов и комментариев* предлагает рассматривать подобные артефакты в неожиданном, казалось бы, контексте.

В пример приведу статью «Сен-

тиментальное путешествие в ссылку (Ян Янковский и его травелог)». «Цензурный вариант» путевого дневника Я. Янковского, хранящийся в варшавской Библиотеке Народовой и не представляющий интереса для тех, кого интересует дело о тайных обществах Виленского учебного округа начала 1820-х гг., А. Федута помещает в рамки сентименталистской и предромантической прозы, а также предлагает исследовать этот травелог с жанровой точки зрения. В результате проявляются как типичные, так и уникальные черты текста Я. Янковского, рассмотренного как под углом наррации, так и в аспекте жанрового синкретизма.

Среди подобных публикаций сборника выделяется статья «Послание “Булгарину” Е.А. Боратынского: авторские редакции и литературный контекст», в которой автор книги демонстрирует возможность принципиально новых подходов к текстам, обрамленным клишированными представлениями. В статье поставлен вопрос об основаниях тех изменений, которым подверглось послание «Булгарину». Сопоставление трех опубликованных редакций послания позволяет А. Федуте объяснить внесенные в них корректировки не только идеологическими причинами, но и литературным контекстом каждой из редакций.

Нельзя не отметить широту того литературного пространства, которое задействовано А. Федутой для того, чтобы обосновать верность своих наблюдений над стилем и содержанием того или иного текста. Так в указанной выше статье дневник Я. Янковского сопостав-

ляется с текстами русских и польских травелогов.

В разделе «Земляки» выделяются статьи, в основе которых лежат выполненные А. Федутой переводы с польского языка. Я имею в виду отрывки из мемуаров Е. и З. Фелиньских (статьи «Невстреча [Ева Фелиньская и Надежда Дурова]» и «Русские поэты глазами католического святого»). В первом случае неизвестные русскому читателю фрагменты воспоминаний стали фундаментом для суждений автора книги по поводу разности ответов польской и русской женщин на вопросы, касающиеся социокультурных половых стереотипов. Вторая статья включает в себя перевод фрагментов воспоминаний З. Фелиньского, касающихся А.С. Пушкина.

Все без исключения статьи первой части книги А. Федуты отличает скрупулезное изучение и сведение воедино известных и обнаруженных фактов, запечатленных в письмах, мемуарах, словарях, справочниках, статьях. Это способствуют восстановлению личностного и творческого контекста бытия того или иного автора, которое может оказаться не менее интересным, чем жизнь и творчество тех, кого А. Федута неизменно «окликает» – Александра Пушкина и Адама Мицкевича. Так случилось, на мой взгляд, с героем исследовательского очерка «“Будрыс” в Твери» – «человека чести», сохранившего верность этическим принципам филоматского братства до самой смерти.

Обозначу и еще одну, сквозную для всех статей сборника, черту исследовательской манеры А. Федуты: он корректно, но настойчиво уточняет, дополняет, исправляет уже существу-

ющие «чужие» литературоведческие комментарии, характеристики, концепции, выводы. Немаловажная причина основательности авторских новаций – неоднократное обращение А. Федуты к той или иной культурной ситуации или персоне.

Например, повторное обращение к балладе А. Мицкевича *Trzech Budrysów (Ballada litewska)* в работе «“Будрыс” в Твери». Но если в статье 2004 г.¹ автора интересовал творческий диалог Мицкевича и Пушкина при посредничестве Булгарина, то ныне в центре внимания – судьба адресата баллады, В.А. Будревича. Или другое: в статье «Земляки. Ф.В. Булгарин и А.-Г.К. Киркор: к истории взаимоотношений», посвященной вопросу национальной самоидентификации Ф.В. Булгарина, А. Федута опирается на свои предыдущие публикации, в которых определяет Булгарина (со ссылкой на высказывания последнего) как славянина непольского происхождения – иначе говоря, сегодняшнего белоруса. Статья «Страдания отставного цензора...» также продолжает ранее напечатанные изыскания – анализ А. Федуты писем Пржещлавского к Гаевскому². Аналогично, мысли, высказанные в статье «Русские поэты глазами католического святого», коррелируют с суждениями А. Федуты относительно,

¹ Федута А.И., «Три “Будрыса”»: авторский текст – подстрочник – поэтический перевод», *Respectus Philologicus (Вильнюс)*, 2004, № 5 (10), с. 112–120.

² См.: Федута А.И., «Страдания будущего цензора: Письма О. Пшещлавского П. Гаевскому», *Федута А.И. Письма прошедшего времени: Материалы к истории литературы и литературного быта Российской империи*, Минск: Лимариус, 2009, с. 91–96.

якобы, пушкинского авторства некоторых политических памфлетов³.

В абсолютном большинстве случаев высказываемые А. Федутой гипотезы и поправки звучат убедительно: например, атрибутирование А.-Г. Киркору публикаций, подписанных кириллическим криптонимом, в статье «Земляки (Ф.В. Булгарин и А.-Г.К. Киркор: к истории взаимоотношений)»⁴ или уточнение даты смерти В. Будревича в статье «“Будрыс” в Твери». Все научные предположения и догадки основаны на доскональном знании историко-культурного и социально-политического контекста не просто XIX в. в целом, но отдельных его временных фрагментов, на осведомленности в сфере мемуарных текстов, на привлечении архивных материалов и новейших исследований вопроса. Таковы, к примеру, гипотеза об источниках «анекдотических апокрифов» о Пушкине в воспоминаниях польского мемуариста или далеко идущее сравнение версии А.И. Герцена об аресте и ссылке А.И. Полежаева с воспоминаниями экс-студента Московского университета З. Фелиньского (статья «Русские поэты глазами католического святого»). Аналогичный характер носит указание А. Федуты на возможную недостоверность долгоруковской версии происхождения прозвища «Вешатель» у М.Н. Муравьева в статье «О происхождении прозвища М.Н. Муравьева-Вилленского».

Столь же любопытны уточнения, вносимые А. Федутой в авторитетные комментарии к роману *Мастер и Мар-*

гарита (статья «Коровьев сказал правду! (И.И. Панаев в романе М.А. Булгакова “Мастер и Маргарита”»)). Здесь я приступаю ко второму разделу книги – «Бывают странные сближения...», содержание которого составляют интертекстуальные и интермедиальные исследования.

В, казалось бы, насквозь изученном цитатном пространстве романа Булгакова А. Федута находит место для фавулы повести И.И. Панаева *Литературная тля* как возможном протосюжете «литературного краха» Мастера⁵.

В объемной и исключительно интересной статье «Писатель Остап Ибрагимович... Шкловский?» расширен круг произведений, связанных с личностью и текстами В.Б. Шкловского – он пополнен диалогией И. Ильфа и Е. Петрова. А. Федута нашел множество текстовых переключек между текстами трех авторов, их литературными и идеологическими позициями, привлек для доказательства обоснованности своей филологической проницательности архивы Шкловского, мемуары Н.Я. Мандельштам, В.А. Каверина и др.

А «революционный» текст Г.И. Чулкова *Красный жеребец*, с точки зрения автора *Сюжетов и комментариев*, своими эксплицированными цитатами и скрытыми реминисценциями направляет читателя к неучтенному исследователями претексту – новелле Э. По. Попутно к разговору о рассказе Чулкова А. Федута привлек полотно К.С. Петрова-Водкина *Купание красного коня* (статья «“И примешь ты смерть

³ См.: Федута А.И., «Пушкин и Лелевель: История одного недоразумения», *Там же*, с. 136–141.

⁴ Эти публикации не учтены фундаментальными белорусскими справочниками.

⁵ Впервые статья была опубликована в Ученых трудах ВУ. См.: *Literatūra. Rusistica Vilnensis*, № 53(2). Vilnius: Vilniaus universiteto leidykla, 2011, с. 26–31.

от коня своего...» [“Метценгерштейн” Эдгара По и “Красный жеребец” Георгия Чулкова]»).

Несколько особняком (в силу некоторой «лиричности» научного высказывания) стоит статья «Боккаччо, прочитанный читателем Пушкина (рассказ Вс.В. Иванова “Сокол”)), в которой в диалог малоизвестного текста Иванова с новеллой Боккаччо вводится интерпретанта – *Станционный смотритель* Пушкина в прочтении М.О. Гершензона.

Необычайно привлекательной выглядит манера изложения материала в статьях А. Федуты. Ясность слога и строгость композиции научного и следования соседствует с интригующими, зачастую детективными, сюжетами научного раследования. Часть этих сюжетов предложена самой жизнью – но талант автора заключается в умении их увидеть. Например, блестящее «следствие по делу» о природе текста А.И. Полежаева, прочитанного им разгневанному Николаю I, в статье «Русские поэты глазами католического святого».

Отдельные исследования А. Федуты основаны на, я бы сказала, психологическом чутье автора, владеющего всей полнотой информации о герое научного повествования: таков, к примеру, комментарий к использованию слова «литовец» в болгаринском ходатайстве к шефу корпуса жандармов о разрешении издания на польском языке (статья «Земляки [Ф.В. Булгарин и А.-Г.К. Киркор: к истории взаимоотношений]», с. 33–34). В случае же с персонажем нескольких статей – коллаборантом-журналистом и, одновременно, автором замечательных мемуаров

О.А. Пржецлавском – читатель сталкивается чуть ли не с художественным объемным психологическим портретом, представленным в научных работах.

Статьи третьего раздела книги – «Далекое близкое» – свидетельствуют о широте интересов автора и энциклопедичности его познаний, тем более что первая статья этой части – «“Казнит злодея Провиденье...”: образ палача в литературе романтизма» – посвящена западноевропейским текстам. Две другие статьи – «“Един Державин”. Образ Г.Р. Державина в русской прозе “межвоенного двадцатилетия”» и «Россия без опоры (исторические рассказы М.А. Осоргина)» – рождают в сознании читателя, прежде всего, историко-психологические облики писателей и поэтов XX в. – Ю.Н. Тынянова, Ю.О. Домбровского, Вл.Ф. Ходасевича, М.А. Осоргина. Это не исключает высокой филологической грамотности, научной познавательности и, самое главное, социо-культурной актуальности названных статей, так как речь идет о взаимоотношениях писателя и современной ему эпохи, о концепции России и о русском национальном характере.

В полной же мере беллетристический талант А. Федуты проявился в работе «Мелочи из запаса комментаторской памяти», аккумулировавшей в себе остроумные наблюдения над текстами М.А. Булгакова, Е.Л. Шварца и др. «Эти наблюдения, – сожалеет автор книги, – не дотягивают до статуса самостоятельного сюжета литературоведческого исследования» (с. 179). Но, с моей точки зрения, это просто «зерна» следующей книги Александра Федуты.

Галина Михайлова